

Соб. кувшины, 1985, Савчука

Я не могу даже себе объяснить, почему взялся за перо, хотя, признаюсь, пишу «для себя» нередко. Но вот вдруг подумалось, что в житейской суете мы так часто не успеваем внимательно взглянуть в окружающих нас людей, а они ведь бывают такими замечательными!

Как писать о первой и последней встрече с Василием Макаровичем Шукшиным в аэропорту Волгограда, когда случилась задержка рейса? Мы пили кофе и разговаривали три часа. Удивительный человек! Какую нужно иметь дерзость, чтобы сейчас об этом сказать! Я не имел счастья, как мои товарищи — Леонид Куравлев, Георгий Бурков, как чудесная женщина и актриса, спутница Василия Макаровича — Лидия Федосеева-Шукшина, сказать: «Я его знал». Здесь необходимы тонкость, деликатность, чтобы не возникло ощущения панибратства.

В Театре имени М. Н. Ермоловой, где я работаю более пяти лет, идет спектакль «Товарищи-граждане». В нем использованы четыре рассказа Василия Макаровича, в частности, «Страдания молодого Ваганова». Да, есть в этом молодом следователе из Алтайского края, растерявшемся перед любовью к далекой Майе, то целомудрие, которое мне, как исполнителю этой роли, очень дорого. Имею ли я право об этом писать? Не знаю. Ведь и тысячной доли его, как человека, не имел возможности постичь за три часа скупого разговора, он и шел-то больше ощущениями. Но как много мне это дало! Знать бы, что пройдет всего несколько дней, и не будет этого человека... Может быть, я бы вел себя несколько иначе, более внимательно, что ли!

ОКНА ПАМЯТИ

Часто приходится задумываться, жизнь дает этому жестокие поводы: уходят мастера, порой в расцвете сил, и ты понимаешь, что их горение обжигает, учит. Вот, казалось, начинаешь обретать то главное, ради чего живешь в своей актерской профессии. И вдруг стоп-кадр. Прощальная улыбка. И взгляд напутствующий. «Вам остается еще много работы, ребята, не подведите!» — как будто говорит этот взгляд.

Мой двоюродный брат, хотя и закончил институт механизации сельского хозяйства, человек, склонный к искусству, подарил мне портрет Василия Макаровича, сделанный каким-то особым, гальваническим способом. Так вот, этот портрет ночью как бы отражает свет уличного фонаря, и каждый раз я замираю: живет этот удивительный человек — портрет словно живой! — любовью семьи нашей согретый, мерцает неярко, но как точно, будто кровь в нем пульсирует, сердце его беспокойное бьется.

Листаю страницы памяти дальше... Леонид Быков — кумир моего детства. С человеком этим судьба свела в последней его картине «Аты-баты, шли солдаты».

Мороз 40 градусов. Под Загорском снимаем последний бой. Он режиссер-постановщик и исполнитель главной роли, мы с ним весь фильм в дуэте, я исполнитель роли младшего лейтенанта Суслина. «В вагончик, греться, ребята, в вагончик. Пока кадр ставим, в вагончик, я ссориться буду». А у самого и лицо, и руки бурые от мороза. А еще он мне говорил: «Хорошо ты работал

в «Как закалялась сталь». Но ты комедийный актер». Как он это почувствовал? Ведь действительно, в Саратовском театральном училище я играл в пьесах А. Н. Островского — Шмагу и Гаврилу. А моим дипломом был мюзикл «Когда цветет акация» Н. Винникова, где я играл Прищепкина, студента с гитарой, песней, танцами. Как не сказать спасибо этому режиссеру! Хорошо хоть успел при жизни, не всегда мне так «везло», как часто я (да и не только я!) не успевал поблагодарить своих товарищей. Да ведь и не в благодарности дело, а в том, чтобы быть достойным такого высокого общения.

...От Георгия Михайловича Калатозишвили я, работая в Театре киноактера Студии имени Довженко, в день своего рождения получил телеграмму: «Утверждены главной роли Оленина в двухсерийном телефильме «Кавказская повесть» по повести Л. Н. Толстого «Кавказки». Смелый человек, спасибо ему! Не побоялся поддержать молодого актера! Его, как потом выяснилось, многие отговаривали.

И вот его не стало...

Фильм «Багратион» — совместное производство — «Грузия-фильм» и «Мосфильм». Играл там князя Меншикова, адъютанта Багратиона. Режиссеры К. Мгеладзе и Г. Чохонелидзе. Эти люди очень хорошо знали Георгия Михайловича, и память о нем как бы объединила нас. Один из режиссеров мне рассказал, что во время войны они, студенты, пиджак папы Калатозова (по его настоянию) продали на толкучке в Тбилиси, чтобы

хлеба купить. И снова, как ножом, полоснула боль воспоминаний об этом светлом человеке.

А фильм «Место встречи изменить нельзя!» Часто в поездках зрители меня спрашивают: «Вы Шарапов?» Ну какой я Шарапов? И, конечно, тут же вопрос: каким был Владимир Высоцкий? Ведь вы вместе работали в этом фильме! И опять ловлю себя на мысли, что не имею права говорить, каким он был. Очень мало знал его. Такую глыбу за год с лишком работы не ухватил! Могу лишь сказать, что был он разный, многогранный. Нетерпимый. Умный. Обладая шармом, если о мужчинах так можно сказать. С режиссером-постановщиком фильма «Место встречи изменить нельзя» С. Говорухиным в гостях бывали, и не раз, у Владимира Семёновича на Малой Грузинской.

— Володь, с Говурхой-отроком пообщаюсь на кухне. Ты здесь посиди. Потерпи. Записанное послушаешь?

— Еще бы.

— Терпи.

И были песни Владимира Высоцкого.

А однажды пришел я в магазин возле моего дома. Продавец спрашивает:

— Правда, вчера Высоцкий умер?

— Как?!

Звоню Ивану Бортнику. Тот говорит:

— Не понимаю, ничего не понимаю, да, да, умер. Не знаю, не говори со мной. Я не могу. Бип... бип... бип...

А как на Студии имени Довженко ждали на кинопробу приехавшего Олега Дала! Ждали, а его уже не было на свете. Зачем Лариса Шепитько поехала на день рождения своего сына так поздно ночью? Когда я думаю об этом, то мною владеет одна мысль: может быть, можно было все это предотвратить? Может быть, и я в чем-то виноват? Чего-то не успел сделать, сказать, предостеречь. Если бы помочь или, если это невозможно, то хотя бы успеть сказать спасибо. Не так часто при жизни они слышали это слово.

...Пишу все это так, для себя, прекрасно понимаю, что ничто уже не может помочь. Но жизнь продолжается. Растут мои близнецы, работаю, снимаюсь, кручусь, как и все, в житейской текучке. Но иногда так бывает важно «остановиться, оглянуться», подумать о том, что рядом с тобой товарищи, что надо быть очень бережным, не травмировать друг друга по пустякам, стараться поддержать человека в беде, в неудаче, заставить его поверить в свою счастливую звезду.

Замечательные артисты, о которых я говорю, были именно такими — сердечными, тактичными, готовыми всегда открыть свое сердце тебе навстречу. Теперь я как-то внимательнее приглядываюсь к окружающим меня людям и призываю к этому других.

...Думал: стоит ли обнародовать такую «личную» запись? И решил, что стоит! Может быть, эта моя исповедь вызовет ответный отклик у многих.

...И опять я еду в поезде. Окно, в которое я смотрю, — как бы стоп-кадр. Оно недвижимо, но там, за окном, мчится и мчится жизнь: леса, поля, города, поезды, но главное — люди. Как жаль, что все пронесется так быстро! Мне дорог этот стоп-кадр окна. Окно памяти.

В. КОНКИН,
заслуженный артист УССР.